

ЗАВЕРШЕНИЕ «ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ»
ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА
Часть I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ТВОРЦЫ ПРОЕКТА
THE FINALE OF THE “ENLIGHTENMENT PROJECT”
FOR THE WEST AND THE EAST
PART I. KEYNOTES AND THE CREATORS

© 2023 Александр Иванович Яковлев

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН, профессор, Москва,
Россия; aliv_yak@mail.ru ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of
Oriental Studies, RAS, Professor, Moscow, Russia
aliv_yak@mail.ru ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В статье рассмотрены общественно-политические, экономические и культурные предпосылки зарождения «проекта Просвещения» в странах Европы, подробно расписаны этапы и варианты развития проекта, его влияние на международные отношения в колониальный период. Также в публикации приводятся примеры восточных обществ, породивших достаточно успешные модели развития, которые тем не менее не смогли оказать сопротивление военной, экономической и идеологической экспансии стран Запада, частью которой и являлся «проект Просвещения». Основываясь на междисциплинарном, историческом и социолого-политологическом подходе, автор проводит ряд исторических сопоставлений, обнаруживая за общими определениями, полными идеологических ловушек, общий смысл исторических событий, сходную логику развития общества и созвучные цели общественных элит. Проект Просвещения рассматривается как первый в истории социально-экономический и социально-политический проект, последовательно реализованный в Европе в соответствии с начальными идеями и целями.

Ключевые слова: Просвещение, Средние века, эпоха Возрождения, Реформация, Новое время
Для цитирования: Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть I. Общие положения и творцы проекта. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 13–35. DOI: 10.18254/S268684310025310-9

The paper describes in detail economic and cultural premises for the emergence of the “Enlightenment project” in European countries, the stages, and options for the development of the project, its impact on international relations during the colonial period. The article also provides examples of Eastern societies that have generated quite successful development models, which, nevertheless, could not resist the military, economic and ideological expansion of the Western countries, in which the “Enlightenment project” played one of the leading roles. Based on an interdisciplinary, historical, and sociological-political approach, the author conducts a series of historical comparisons, discovering, behind common definitions full of ideological traps, the general meaning of historical events, a similar logic of the development of society and the consonant goals of social elites. The Enlightenment project is considered as the first socio-economic and socio-political project in history, consistently implemented in Europe in accordance with the initial ideas and goals.

Keywords: Enlightenment, Middle Ages, Renaissance, Reformation, Modernity

For citation: Yakovlev Alexander I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part I. Keynotes and the The Creators. *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 13–35. DOI: 10.18254/S268684310025310-9

Известно, что каждый порядок общественный тесно связан с лежащими в основе общества идеями, которых он есть результат и продукт.

Т. Н. Грановский

ВВЕДЕНИЕ

В первые десятилетия XXI в. в ходе глобализации расширились и углубились разнообразные связи между странами мира, прояснились масштабы приобретений и утрат в восточных и западных обществах в ходе их развития в парадигме Модерна, а также вышли наружу кризисные явления в экономической и социальной жизни многих стран. Запад составлял авангард глобализации и стал ее главным выгодоприобретателем, но в первые десятилетия XXI в. возникшие сбои в механизме этого процесса привели его и весь мир к свертыванию глобализации и завершению развития по модели буржуазного индустриального общества, того, что можно назвать «проектом Просвещения». По резкому определению английского философа и теолога Дж. Милбэнка

в 2006 г., «Запад совершил поворот в неверном направлении» и «именно это сегодня ведет весь мир к катастрофе», «весь мир в настоящее время просто деградирует — именно в силу доминирования в нем наследия западного модерна» [Милбэнк, 2022, с. 17, 18]. Действительно, последние два века мировое развитие протекало в русле, проложенном несколькими странами западноевропейской культуры.

В основе развития стран Запада и следовавших за ними в ходе догоняющей модернизации стран Востока лежала западная модель. Эта модель сформировалась в XVIII–XIX вв. как индустриальное, капиталистическое, демократическое просвещенное общество. Истоки этой модели лежат не только в последовательном развитии производительных сил и экономических отношений, определенных конкретными условиями стран Западной Европы, что происходило и на Востоке, но также в захватившей несколько стран, «ядро» Западной Европы, целостной системе идей, получивших в совокупности наименование «проект Просвещения». В целом он был успешно реализован на Западе к середине

XX в., а позднее не без оснований претендовал на универсальность.

В данном случае основное внимание обращено не только на материальную, но также на идейную и духовную составляющие проекта. В последние десятилетия эконоцентристский подход выявил свою ограниченность, и для более адекватного понимания и объяснения текущего развития потребовалось его дополнить. Морально-этические идеалы и верования, убеждения и ценности, исходящие из понятий добро и зло, благо и вред, присущи как отдельной личности, так и группам общества. Сохранение и изменение набора таких понятий стоит учитывать при рассмотрении кардинальных общественных перемен, происходивших в Европе в XVIII–XIX вв. Целостность и новизну общественной системе, возникшей на основе проекта, придавал комплекс идей, среди которых главенствовал принцип безграничной веры в человеческий разум, что открывало возможность перестроения общества на рациональных основаниях, и не менее важный принцип абсолютизации частного интереса и частной собственности, что — на основе этих принципов — открывало небывалые ранее возможности для раскрытия потенциала отдельной личности в свободной конкуренции.

В то же время следование принципу историзма при рассмотрении различных явлений внутри явления Просвещения, нередко развивавшихся то параллельно, то асинхронно в разных частях европейского континента и тем более за его пределами, делает неизбежным возвращение к ранее рассмотренным сюжетам. Дискретность начавшихся процессов перемен, их затухание и активизация оказываются не напрямую связанными и зависимыми от возникновения и развития идей и идеологии Просвещения, социально-политических процессов и деятельности исторических личностей, возникновения и распространения машин и технологий, новых форм экономических отношений и внешних экономических связей. Однако во всех случаях повторы

сходных процессов не становились буквальным повторением ранее совершенных в иных частях мира, а результаты процессов подчас существенно различались. Нельзя не учитывать и то, что всякий историк ретроспективно создает свою картину ушедшего мира, в то время как ушедшие поколения обладали своим образом современного им мира, не всегда доступного для реконструкции.

С позиции строгого детерминизма следовало бы признать, что возникновение христианства в сочетании с наследием античной культуры предопределили появление протестантизма и рационализма, а те привели Запад к капиталистическому рынку и промышленной революции, к признанному лидерству в мировой системе. Однако ретроспективное построение линейной цепочки причинно-следственных связей весьма субъективно. Стоит принять во внимание прерывистость западного развития, отвергнувшего то «лоно христианства», из которого Запад вышел, отвергнувшего и Откровение, и Церковь. Данное обстоятельство как раз и позволило остальному, незападному, но западно-ориентированному миру, принять «модель успеха».

И все же представляется справедливым вывод О. Г. Большакова в работе об арабском Халифате: «В каждый данный момент существует неисчислимое количество вариантов их продолжения... и каждый раз на реализацию той или иной возможности влияет ничтожный перевес одного из факторов, какая-то совершенно случайная по сравнению с остальным причина, особенно ничтожная при сопоставлении со значительными последствиями. Они в целом определены не этой причиной, а всей совокупностью действующих сил, но на первый взгляд может показаться, что случай правит историей» [Большаков, 1989, т. 2, с. 15]. Сочетание объективных предпосылок наряду с разного рода случайностями свидетельствует о непредопределенности результата развития общества, у которого всегда имеется возможность выбора.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСА

Большая и многослойная проблема полного развития и завершения проекта Просвещения имеет немало аспектов, большая часть которых в разные годы уже исследовалась историками и социологами, достаточно назвать лишь имена Ф. Броделя [Бродель, 2022], П. А. Сорокина и А. Тойнби, автора работ по мир-системной концепции И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2008; 2001], а также содержательные и оригинальные исследования К. Поланьи «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени» [Поланьи, 2002], П. Шоню «Цивилизация Просвещения» [Шоню, 2008], У. Мак-Нила «Восхождение Запада. История человеческого сообщества», И. Морриса «Почему властвует Запад...» (2010) [Моррис, 2016], П. Кеннеди «Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.» (1987) [Кеннеди, 2018], Э. Бриггса и П. Клэвина «Европа Нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней» (2003), Г. А. Дидерикса, И. Т. Линдблата, Д. И. Ноордома и других авторов книги «От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х годов» (1993) и Дж. Мокира «Просвещенная экономика. Великобритания и Промышленная революция 1700–1850 гг.» (2009) [Мокир, 2017] и др.

В имеющихся исследованиях основное внимание уделялось различным этапам в развитии проекта Просвещения (или в более узком, гуманитарном понимании *эпохи Просвещения, века Разума*) и достижениям в ходе его реализации, а в последние годы — анализу негативных явлений, выявившихся как логическое конечное раскрытие самого проекта, например, исследование Дж. Грея «Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности» (1995), книги Дж. Сола «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» (1992) [Сол, 2006], Дж. Милбэнка «Теология и социальная теория.

По ту сторону секулярного разума» (2006) [Милбэнк, 2022], Ч. Тейлора «Секулярный век» и Д. Эндресса «Культурная деменция. Как Запад потерял свою историю и рискует потерять все остальное» (2018).

В то же время намного меньшее внимание привлекали притязания проекта Просвещения на универсальность, имеющие как реальные и весомые основания, так и негативную реакцию у стран-реципиентов. Среди исследований по данной проблематике можно назвать книги Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» [Саид, 2006], Ш. Эйзенштадта «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций», Н. А. Симонии «Страны Востока: пути развития» (1975), коллективную монографию «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [*Эволюция восточных обществ...* 1984], книги Г. К. Широкова «Промышленная революция в странах Востока» (1981) и «Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве» (1987), книги Г. Померанца «Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики» (2000), Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» (2012) [Аджемоглу, Робинсон, 2015], Т. Фридмана «Плоский мир: краткая история XXI века» и «Плоский мир 3.0», монографию автора «Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного» (2015) и др. Интересное осмысление данной проблематики с философской точки зрения дано в работе китаиста Т. П. Григорьевой «Китай, Россия & Всечеловек» (2011).

Многочисленные работы, появившиеся после «Стадий роста» У. Ростоу и позднее — после «Конца истории» Ф. Фукуямы и «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, были посвящены преимущественно экономическим аспектам развития модели современного общества за пределами западного мира или констатации течения политической жизни в мировом сообществе, без обращения к истокам, к той системе

идей, из которой в Западной Европе в XVIII в. и сложился проект Просвещения.

Помимо названных теоретических и исторических трудов, автор широко использовал в качестве источников публикации большого числа ученых и политических деятелей разных эпох, а также монографии отечественных и иностранных авторов по отдельным странам и регионам, сознавая при этом, что безбрежность имеющейся литературы практически неохватна.

Авторское видение Просвещения

В своих предыдущих работах автор преимущественно исследовал процесс модернизации стран Востока по западной модели, иначе говоря, то, как и каким образом в восточные страны проникли и развивались капиталистические отношения, формировалась современная индустриальная экономика и буржуазное общество, как и почему процессы синтеза и симбиоза современного западного и традиционного восточного начал в социальной, культурной и политической сферах жизни привели там к противоречивым результатам. Возможность альтернативного развития ранее им просто не рассматривалась.

Использованный в нескольких работах междисциплинарный, исторический и социолого-политологический подход, как видится автору, оправдал себя и будет использован в данной работе. Проводимый ряд исторических сопоставлений — при очевидной уникальности истории, культуры и государственности называемых здесь стран и народов — помогает обнаружить за общими и неконкретными определениями, полными идеологических ловушек, общий смысл исторических событий, сходную логику развития обществ и созвучные цели их элит.

Иначе говоря, проект Просвещения имеет смысл рассматривать как первый в истории социально-экономический и социально-политический проект, последовательно реализованный в Европе в соответствии с начальными идеями

и целями. Этот проект получил признание во всем мире и был практически воплощен в жизнь — как правило, фрагментарно — на разных континентах в глобальном масштабе в виде капиталистической модели. В региональном масштабе была попытка реализации иной модели проекта — социалистической, в основе которой лежали не альтернативные, а созвучные проекту Просвещения по идеям и целям умоглядные — также европейские — проекты общественного устройства (утопический социализм) Т. Мора и Т. Кампанеллы или А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, а также идеи К. Маркса и Ф. Энгельса.

В данной работе автор стремился выявить особый аспект проблемы: как и почему *проект Просвещения* не только в материальной сфере не мог быть полностью реализован в незападных, восточных обществах (что можно объяснить объективными условиями ограничения ресурсов и времени), но и в сфере нематериальной, где активная, широкая экспансия западной культуры не привела к установлению ее господства в восточных обществах.

В качестве главной причины Дж. Мокир, например, предлагал в 1990 г. технологический фактор, сработавший на Западе благодаря его «креативности» [Мокир, 2014]; в свою очередь, о двойственности технологического фактора писал Д. Хедрик в книге «Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней» (2010) [Хедрик, 2018]. Заслуживает внимания и значение религиозного фактора — христианства на Западе, создавшего духовную и интеллектуальную атмосферу для свободного развития, на что указывал М. Вебер в давней работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) [Вебер, 2017]. Отмечалась и важная роль государства. В то же время, названные факторы так или иначе проявлялись и в жизни стран Востока.

Немаловажен также вопрос: почему на Востоке не возникло альтернативы европейскому проекту, что по формальным показателям было вполне возможно хотя бы в социально-

экономической сфере. И в то же время, не менее важный вопрос: как и в какой мере проект Просвещения — в своих отдельных аспектах — все же оказал воздействие на развитие восточных (незападных) обществ? Заслуживает внимания пример России, незападной страны европейской культуры, веками ожесточенно сопротивлявшейся напору западноевропейской мощи, но в XVIII в. по воле самодержавного Петра I воспринявшей проект Просвещения в качестве нормативного образца. Несмотря на это, Россия не стала покорным учеником Запада, чей проект так и не был воспринят в качестве *своего*. Тем не менее и Восток, и Россия проявили относительную слабость, ступив на западный путь развития. Или в то время в мире не было альтернативы? Сможет ли в XXI в. Китай предложить миру свой, альтернативный проект развития?

Попытка задаться такими вопросами становится особенно актуальной в начавшуюся переходную эпоху, когда *кризис переходности* охватил западное общество, а в уже модернизированных странах Востока происходит переосмысление западной модели развития, ранее принятой как нормативная для реализации на своей почве.

Понятие *проект Просвещения* видится более адекватным для осмысления содержания протекших столетий, нежели «современное общество», «индустриальное общество», «эпоха Модерна», «европейская цивилизация» или «капиталистическая формация», ограниченные экономическим и (или) институционально-организационными показателями.

Между тем, автору приходилось слышать возражения, что не существовало отдельной идеологии Просвещения, сложился просто набор идей разных европейских мыслителей, среди которых имелись и либералы и консерваторы; что не существовало отдельной культуры Просвещения, а происходил естественный процесс перехода от эпох Ренессанса к барокко, далее к сентиментализму и романтизму; наконец, не было и социальной основы Просвещения, поскольку предприниматели или ученые того времени могли и не знать учений отцов Про-

свещения, а просто делали свое дело, как они его понимали. То есть, эпоха Просвещения была, шел процесс развития, а проекта Просвещения не было.

Можно ли обойтись без вводимого понятия? Да, если ограничиться историей европейских стран, в которых индустриальное общество приходило на смену доиндустриальному, а эпоха Модерна наследовала эпохе Средневековья, иначе говоря — формационное развитие совершало там скачок в русле одной христианской западной цивилизации. В то же время, в переходную эпоху перемешиваются случайности и закономерности. Разобраться в этом возможно лишь ретроспективно, обозревая сразу и далекий от стихийности процесс, и его результаты, ставшие материальным воплощением определенной системы идей.

Понятие проект Просвещения, на наш взгляд, создает определенные предметно-временные рамки, в пределах которых возможно комплексно учитывать материальные и нематериальные факторы развития стран мира в их единстве, их прямой или косвенной связи и взаимообусловленности в течение длительного исторического периода, ведя отсчет от возникновения до реализации всего проекта Просвещения в глобальном масштабе, в том числе и после завершения европейской «эпохи Просвещения».

Почему на Западе возникла монополия идей Просвещения, их абсолютное и подавляющее господство? Организационное развитие идей Просвещения привело к появлению фактического проекта Просвещения как общей системы идей и стилей поведения. Это были идеи, претендующие на универсальность, но в реальности опирающиеся на достижения предшествующих эпох Возрождения и Реформации, одновременно революционные и либеральные, этатистские и буржуазные, утверждающие сакрализацию возникающего секулярного общества и принятие мифического идеала «свободы» взамен религиозного идеала Христа.

Идеи имеют своих носителей, и вскоре, десятилетие за десятилетием, обнаружилось не

только совпадение идей, но и интересов, общих интересов новых и части старых социальных слоев и групп европейского общества. Им стало выгодно утверждение такой системы идей, они стали реальным, хотя поначалу слабо формализованным субъектом процесса перемен.

Однако в странах Востока процессы модернизации, индустриализации, просветительства и демократизации не стали порождением внутреннего развития, а были восприняты в рамках целостного проекта Просвещения, перенесенного из Европы и в разной форме, и в разные сроки реализуемого в условиях иноквицизационного общества. Причем Восток заимствовал не капитализм или цивилизацию, а стремился реализовать весь проект в целостности. Однако на Западе реализация проекта привела к возникновению нового общества и нового человека, а на Востоке этого не произошло.

Исходя из поставленной задачи, вначале рассматривается процесс складывания в XVIII в. — в отличие от восточных обществ — в общественной жизни стран Западной Европы различных экономических, социальных, культурных, политических и духовных элементов в объективно возникающее определенное единство разнообразных составляющих, реализуемое в западном обществе в виде проекта Просвещения в XIX в. в параметрах национальных государств уже как национальные модели. Далее прослеживается раскрытие многостороннего потенциала таких идей до конца в XX в. и в первые десятилетия XXI в., в конечном счете пришедших к собственному отрицанию — при достижении заявленных материальных целей. Частью проекта, вызванной к жизни идеями Просвещения на рубеже XVIII–XIX вв., стал капитализм, и эта общественная система в дальнейшем затмила собой сам проект, а в течение всего XX в. привела к редуцированию системы идей и ценностей Просвещения в европейских странах, лишению его реального функционального значения.

Далее рассматривается процесс реализации проекта Просвещения в XVIII–XIX вв. в западных обществах, к которым автор относит и

Россию. В ходе этого процесса модернизации и вестернизации вполне усваивались и реализовывались задачи и цели не только в материальной, но и в нематериальной сфере (идеи, ценности, достижения культуры). В то же время, показано, что сами цивилизационные основы незападного — восточного общества оказались невосприимчивы к полному восприятию идейных основ проекта Просвещения, и неудача или полудача процессов модернизации по западной модели в XX в. в нематериальной сфере объясняется иной природой незападного — восточного общества, обратившего ныне к поискам собственной модели развития.

Целью работы автор, возможно, самонадеянно, видел обозначение контуров завершенного проекта общественного развития мировой системы ради разработки перспектив нового проекта. В то же время, для автора оставалась важной категория исторического времени, в котором возникали явления и действовали люди, существовали и изменялись определенные системы ценностей, общественные и государственные структуры, идеи и цели общественного развития. Обозначение контекста времени удерживает от осовременивания истории и сведения ее к актуальной политологии. Наконец, для нашей темы важен и культурно-цивилизационный контекст, поскольку в западных и западных странах институты и нормы могут формально совпадать, но их значение, внутреннее содержание и движущие силы могут существенно различаться за пределами западного мира.

ДОГОВОРИМСЯ О ТЕРМИНАХ: ПОЧЕМУ «ПРОЕКТ»?

Прежде изложения основной проблематики целесообразно представить тот понятийный аппарат, который используется в работе. Отчасти автор использовал свою давнюю систему понятий (см.: [Яковлев, 2020]), отчасти дополнив ее необходимыми категориями.

Почему проект? В данном случае понятие *проект* — это протяженный во времени и про-

странстве замысел, общий разработанный план общественного устройства на уровне идей. Разного рода предпосылки для формирования основ современного общества (экономические, технические, социальные) возникали в разных частях мира, но лишь в Западной Европе (благодаря географическому и политическому факторам) они сложились в целостную систему на основе идеалов и материальных интересов отдельных социальных групп, которая была осмыслена и принята в этой целостности европейской элитой в качестве руководящей идеи.

Модель — это конкретизация проекта в материальном плане, исходя из природных, экономических, социальных и политических возможностей. Понятно, что в реальной жизни торговцам и предпринимателям, правителям и чиновникам требовалось принятие ясных решений и определенных законов, норм и правил в экономической и общественной жизни — базовой основой которых служила сумма идей проекта. Из такого рода правил и практической работы больших масс людей возникли очертания нового уклада жизни и деятельности, постепенно захватывающей все пространство общественной жизни западных стран.

Цивилизация — это стабильная этно-демографическая и социально-культурная общность, населяющая определенную территорию, разделяющая общую систему религиозных или духовных ценностей и обладающая в течение многих веков явно выраженными традиционными чертами и непреходящими во времени основами культуры, мировосприятия и национальной психологии. Это понятие, усвоенное европейцами именно в эпоху Просвещения применительно к себе, позволяет ретроспективно рассматривать исторический путь народов не только в политическом или экономическом, техническом плане, но и как органическое единство социума в длительном временном плане. В данном случае проект Просвещения родился в недрах европейской христианской цивилизации, однако не тождествен ей.

Формация — это особый, ограниченный во временном плане, исторически определенный

тип общества, обладающий совокупностью особых производительных сил, производственных отношений, политической системы, социальной организации и культуры. Данное определение является характеристикой не только материальных сторон жизни, но ее духовной и культурной сфер — в период становления, развития и упадка определенной общественной системы. Оно позволяет разграничивать состояние общества, переживающего кризис слабеющей формации и становление иной формации, идущей ей на смену. В данном случае реализация проекта Просвещения позволила сформироваться и укрепиться капиталистической формации, капитализму, как господствующему — сначала в Европе, а затем и в мире — типу общественного развития.

Революция социальная — насильственная смена общественного строя, начинающаяся политическим переворотом, и реформа системы — проводимый властью комплексный процесс переустройства общества на новых началах (идеальных или имеющихся), стали инструментами перехода общества из одного состояния в другое в параметрах проекта Просвещения. В странах Европы XVIII и XIX века оказались эпохой революций и / или коренных реформ (реформ системы), а в XX веке уже страны Востока начали реализовывать европейский проект Просвещения путем то революций, то интенсивных и глубоких реформ.

Капитализм — это экономическая система, в которой предприниматели действуют по нормам свободного рынка с целью получения максимальной прибыли. Без этого определения не обойтись, так как, несмотря на его спорность, и сам проект Просвещения, и возникшую в его рамках социально-экономическую формацию нередко просто заменяют понятием *капитализм*. Хотя капитализм возник и развивался на основе идей Просвещения, он не тождествен проекту Просвещения. Конечно, нет жестких границ между явлениями капиталистической экономики, буржуазной культуры и демократического общества, их взаимообусловленность

очевидна для западной модели (в отличие от восточных моделей). Но данное понятие в работе относится преимущественно к экономическим явлениям и процессам.

Европейский «корень» проекта Просвещения невольно побуждает к переносу возникших на европейской почве понятий «феодализм», «капитализм», «абсолютизм», «класс», «сословие», «общество» на неевропейскую почву. В то же время, условность такого буквального переноса давно стала очевидностью. Ведь за названными и неназванными понятиями была иная почва, их истоки — в истории европейских народов и государств, а также в культуре Античности, Христианства, Ренессанса и Реформации, мало, а чаще вовсе не затронувших восточные общества.

Запад и Восток — понятно, что в данном случае это не просто географические понятия, синонимичные Европе и Азии, но и географическое обозначение различных цивилизаций. Мы до сих пор живем в рамках понятий, навязанных нам проектом Просвещения. До эпохи колониализма Восток никем не воспринимался как некая целостность, а виделся сочетанием различных стран или цивилизаций наряду с Европой. Но с XVIII в. сам европейский проект Просвещения постепенно обретал универсальный характер как наследие Запада, переданное человечеству, и в этом противопоставлении возник условный *Восток*. Запад как социально-культурная и политическая общность развивался в рамках проекта как отдельная, самостоятельная органическая система, равно как и самобытные общества Востока и России. В конечном счете, последовательная реализация новых идеалов и принципов привели к появлению на европейском континенте того, что А. А. Зиновьев назвал «западнизмом», парадоксально отрицавшим сами истоки проекта Просвещения [Зиновьев, 2000].

В то же время, при историческом сопоставлении в формационном понимании, «элементы сходства между Западом и Востоком намного перевешивают различия, имевшие место вплоть до XIX века», — констатировал И. Моррис [Моррис, 2016, с. 25]. В дальнейшем, в ходе до-

гоняющей модернизации Востока формационные различия существенно слабели, хотя и не исчезли вовсе.

Наконец, в исторической литературе нет единства по вопросу *периодизации* как эпохи, так и проекта Просвещения. Понятия *раннее Просвещение* и *зрелое (позднее) Просвещение* выработаны на материале западноевропейских стран, но и там имеют широкие временные границы.

В отечественной литературе за точку отсчета эпохи Просвещения принят 1700 г., когда закончилась эпоха конфессионально обусловленных войн [Всемирная история, 2013, т. 3, с. 5]. Но с этим рубежом совпадают такие процессы в западноевропейском обществе, как отказ от предшествующих традиций и авторитетов, крушение господства клерикализма и теологического догматизма в духовной жизни, отказ от абсолютизации принципа монархизма в общественно-политической жизни, а также переход к мануфактурному (промышленному) производству и возрастание роли *науки реальных знаний* и востребованности технического прогресса в сфере материальной. Названные процессы (в совокупности с предпосылками Просвещения в виде целостных эпох Возрождения и Реформации) стали системообразующими началами при реализации проекта на относительно небольшом пространстве Западной Европы. Наконец, Великая Французская революция 1789 г. пробила такую брешь в европейском *старом порядке*, которую оказалось невозможно заделать, и она лишь расширялась. Французская революция оказалась триггером, ускорившим реализацию тех целей, которые намечали «отцы Просвещения» и углубившим процессы качественных перемен в европейском общественном пространстве.

В рамках того же пространства в условиях кризиса существующей мировой системы к концу XX века стало возможным констатировать завершение проекта. Показателем этого стал кризис идентичности западного общества.

В незападных обществах, включившихся в процесс догоняющего типа развития, проект

Просвещения в виде модели западного современного индустриального общества начинает воплощаться в жизнь в XIX и XX веках. К этому времени критерии *раннего* и *зрелого* Просвещения становятся вполне условными для Востока, общая модель теряет свою нормативность благодаря возникновению нескольких центров современного мира, что порождает значительную вариативность в формах и направлениях *реформы системы*. Развитие таких восточных обществ осмысливается ими как *договоряющаяся модернизация* и *вестернизация*, причем для многих из них изначальные цели проекта Просвещения — в европейском понимании — остаются недостижимыми, недостижимыми или попросту ненужными.

1. ПРОЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ТОТАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРЕВОРОТ В УМАХ ЛЮДЕЙ

У этого проекта как будто не было автора, но имена «отцов Просвещения» — Вольтера, Дидро, Даламбера, Лейбница, Локка, Монтескье, Руссо и других всем известны. Канонического текста проекта вроде бы нет, но в то же время его признанными и органическими частями стали Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789), Декларация независимости в США (1776), многочисленные философские, публицистические и прозаические тексты европейских «отцов Просвещения».

Общим местом стала констатация того, что проект Просвещения основывается на идейном конструкте, нашедшем воплощение в политическом и культурном явлении *эпохи Просвещения*

(Age of Enlightenment). Так задним числом было обозначено главное содержание начинавшейся эпохи. **Понятие Просвещения встречается у Вольтера и И. Гердера, но окончательно утвердилось после статьи И. Канта «Что такое Просвещение?» (1784).** Расширились и рамки понятия, которое стало означать не только рационалистическое восприятие мира, но также совокупность определенных политических, социальных и экономических идей.

Этому предшествовало долгое развитие, развитие идей и развитие хозяйственной жизни людей в разных уголках мира. Средние века в Европе создали или породили предпосылки, благодаря которым возникла и стала господствовать в общественной жизни западноевропейских стран сумма идей, которую позднее стали называть проектом Просвещения.

Идейной основой эпохи Просвещения стали идеи и деятельность мыслителей и творцов предшествующей *эпохи Возрождения*, в которой смогли соединиться высокие идеалы христианского гуманизма и светское мировоззрение античного языческого общества. В то же время, в ту эпоху определилось и закрепилось окончательно разделение европейской цивилизации как наследницы Античности и христианской веры, на Запад, представленный землями Западной Европы, и неЗапад, состоящий из Восточной Европы и Руси. Данное разделение складывалось на протяжении сотен лет¹ и было порождено множеством объективных и субъективных факторов, однако оно означало не разрыв европейского пространства, а вполне самостоятельное дальнейшее развитие двух частей в сохраняющейся общей христианской ойкумене.

1 В IV в. общепризнанным в христианском мире было главенство двух главных кафедр древних церквей — Рима и Александрии, но тогда же, в ходе начавшейся борьбы с ересями и в ходе Вселенских соборов укрепляется авторитет новой столичной кафедры — Константинополя. Варваризация Европы привела к упадку христианской жизни и упадку светской власти пап, но к XI в. западную часть церкви охватывает реформаторское движение за духовное и нравственное возрождение. Его частью стало «врастание церкви в феодальную систему», однако преобразования папы Льва IX и папы Григория VII привели к утверждению принципов господства духовной власти над светской и превосходства Римской Церкви над всеми остальными церквями. Регулярное каноническое общение между Римом и Константинополем прервалось. Попытки разрешить споры из-за богослужебных и догматических разногласий привели к Великой схизме (расколу) в 1054 г. (См.: [Общая история Церкви, т. 1, кн. 2, 2017, с. 223–232; 255–257]).

Оценочные суждения здесь неприменимы, так произошло.

Возрождение (Ренессанс) в исторической литературе понимается как эпоха в культурном и художественном развитии стран Западной Европы, и подчас это заслоняет ее главное содержание, ее «стержень» — формирование гуманистического мировоззрения, по определению Ж. Мишле, «открытие мира и человека» (1855). Понятие *Возрождение*, по существу, обманчиво², оно прикрывает собой вовсе не восстановление забытого в «темные века» античного наследия в его целокупности (миф античности), а отказ, отталкивание от Средних веков ради созидания еще неведомого нового, обозначенного привлекательным понятием, прикрывшим собой его реальное содержание. В то же время просвещенческая формула «смена Мифа Логосом» выглядит упрощением, поскольку умозрительная конструкция рационального мира становилась новым, сконструированным мифом — что с очевидностью открылось на рубеже XX–XXI веков.

Ничто не возникает на пустом месте, новый взгляд на мир и новое понимание жизни возникли вследствие совокупности объективных обстоятельств. Не случайно возникновение Возрождения совпадает с процессами социально-экономических сдвигов в европейском обществе, а также с нарастанием кризисных явлений в жизни Католической Церкви, сохранявшей значение центра всей общественной жизни Европы на территории бывшей Западной Римской империи³. Показательно, что **Яков Буркхардт** (Jacob Burckhardt; 1818–1897), **первый историк Возрождения**, в процессе анализа истоков новоевропейского буржуазного мироощущения («Культура Возрождения в Италии: опыт исследования», 1867) [Буркхардт, 2022], приходит

к пессимистичным выводам о «ренессансном человеке», одновременно привлекательном и отталкивающим. «Ренессанс — это не Средние века плюс человек, но Средние века минус Бог», — подкрепляет его вывод А. Степанов мнением католического философа [Степанов, 2005, с. 16].

Вспомним, что в Средние века в Европе еще сохранялось представление о чувственном мире как «временном прибежище» человека-странника, стремящегося к достижению вечной обители Бога, пренебрегающего богатством и радостями, и ищущего путь, позволяющий ему достойно войти в вечность. Но в то же самое время возникает образ человека-деятели, здесь и сейчас устраивающего свою жизнь. В общественной мысли европейского общества крепнет рационалистически-скептическая тенденция.

Ярким выразителем ее во Франции стал **философ и богослов Пьер Абеляр** (Peter Abelard; 1079–1142), в личности которого своеобразно соединились черты монаха и свободного мыслителя. Абеляр не критиковал и даже не ставил под сомнение учение христианской церкви, считая себя ее верным сыном, он всего лишь указывал на противоречия и неясности в Священном Писании, полагая, что верующие не должны удовлетворяться верой, основанной только на авторитете, а стремиться к рациональному осмыслению христианских догматов. Его утверждения «вера, не просветленная разумом, не достойна человека» и «понимаю, чтобы веровать» получали все более широкое распространение среди образованной части населения, в то время как богословские выводы Абеляра (его учение о Троице, о грехе и спасении) были церковью отвергнуты. В своей этической доктрине Абеляр, следуя античным философам, предлагал секу-

2 Как полемически замечает А. Степанов, «Возрождение — это то, что думают специалисты по Возрождению, историки культуры и искусства», причем «каждый видит эту сущность по-своему» [Степанов, 2005, с. 6–7].

3 Стоит привести цитату из рассуждений канцлера Флорентийской республики Поджо Браччолини (Poggio Bracciolini; 1380–1459) в середине XV в.: «Только плебс и чернь связаны вашими законами, только для таких существуют узы права. Люди серьезные, благоразумные, целомудренные не нуждаются в законах... Сильные люди отвергают и ломают законы, приспособленные к слабым, к наемным работникам, нищим, лентяям, к тем, кто не имеет средств... В действительности все выдающиеся и достойные памяти деяния происходили благодаря несправедливости и насилию, то есть, благодаря нарушению законов» (цит. по: [Степанов, 2005, с. 14]).

ляризацию морали. Его современник Бернар Клервосский, признанный на Западе учителем церкви, осуждал взгляды Абельяра, который «при помощи своих мудрствований... пытается исследовать то, что благочестивый ум воспринимает посредством живой веры. Вера благочестивых верит, а не рассуждает. Но человек этот, относясь с подозрением к Богу, согласен верить только тому, что он ранее исследовал с помощью разума» (цит. по: [Соколов, 1979, с. 160]). Иначе говоря, абеляровские сомнения, критицизм и рационализм обозначили рубеж, за которым догматы христианского учения стали рассматриваться как вероятностные, а не безусловно достоверные. По мнению В. В. Соколова, Абельяра следует считать «родоначальником оппозиционной максимально рационализированной философии западноевропейского средневековья» [Соколов, 1979, с. 169]). Следующим шагом на этом пути логично становилось абсолютное господство рационализма, и этот шаг был сделан в эпоху Просвещения. С другой стороны, философские идеи Абельяра способствовали увеличению уверенности человека в своих познавательных силах (см.: [Соколов, 1979, с. 150–169]).

Используем сжатую характеристику культуры той эпохи, как *идеациональной*, данную П. А. Сорокиным: «Архитектура и скульптура Средних веков были «Библией в камне». Литература также была насквозь пронизана религией и христианской верой. Живопись выражала те же библейские темы в линии и цвете. Музыка почти исключительно носила религиозный характер... Философия была практически идентична религии и теологии и концентрировалась вокруг той же основной ценности или принципа, каким являлся Бог. Наука была всего лишь прислужницей христианской религии. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии. Семья, как священный религиозный союз, выражала всю ту же фундаментальную ценность.

Даже организация экономики контролировалась религией, налагавшей запреты на многие формы экономических отношений, которые могли бы оказаться уместными и прибыльными, поощряя в то же время другие формы экономической деятельности, нецелесообразные с чисто утилитарной точки зрения» [Сорокин, 1992, с. 430]. И так, это не «конгломерат различных культурных реалий, явлений и ценностей», а единое целое, все части которого выражали одну и ту же высшую ценность — Бога, и это создавало для человека и общества единую вертикальную систему ценностей, ориентированную на Божественный Абсолют.

Кстати, по мнению Сорокина, данную характеристику, хотя и с оговорками, можно отнести к культуре брахманской Индии и буддийской культуры. Однако они продолжали и далее развиваться в ее лоне, в то время как на Западе около XII в. «появился зародыш нового — совершенно отличного — основного принципа, заключающегося в том, что объективная реальность и ее смысл чувственны... Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это — эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь. Такой был новый принцип, совершенно отличный от основного принципа идеациональной культуры», и он стал основой «идеалистической культурной системы», приведшей к возникновению уже современной *чувственной* культуры [Сорокин, 1992, с. 431] с присущей ей «горизонтальной» системой ценностей для человека и общества.

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ЦЕРКВИ

Отказ от абсолютной ценности христианства проявился в судьбе церкви. Рубежом в развитии католической церкви стала западная Великая схизма (раскол) 1378–1417 гг., происшедшая в период Авиньонского пленения пап. Коллегия кардиналов разделилась в своем отношении к главе церкви, так появились папы в Риме и Авиньоне, а это привело к расколу всей церковной Европы. Попытка создать в 1409 г. церков-

ный собор для преодоления разногласий между Григорием XII и Бенедиктом XIII оказалась неудачной, появился еще один, третий папа Александр V. Отчасти это произошло потому, что правители западных стран увидели возможность выйти из-под контроля Рима, а потому Испания, Португалия и Шотландия поддержали Бенедикта XIII, Священная Римская империя, Неаполь и Центральная Италия — Григория XII, а папа Александр V получил поддержку Северной Италии. Кризис был преодолен в 1417 г., новым папой стал Мартин V, получивший единодушную поддержку конклава. Однако папский трон был поколеблен, сохранились возникшие ереси и недоверие к институту папства [КЭ, т. 1, 2005, стлб. 884–885].

НОВЫЙ ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Идеи не существуют в пустом пространстве, они порождаются в крупных и мелких событиях текущей жизни, в конкретных социальных и политических условиях, где среди множества игроков кому-то везет больше, чем другим.

Так, в Италии усилилось самостоятельное значение городов-республик Венеции, Генуи, Флоренции и правивших там знатных княжеских родов, как важных субъектов экономической и политической жизни. Возникают и крепнут сильные государства во Франции, Англии, Испании, Португалии, Австрии. В народных массах происходило осознание народного и национального своеобразия, пробуждение национального сознания и национальной идентификации.

Сила и богатство Востока вынуждали европейцев к активности вовне, поскольку запасы золота и серебра уходили на Восток в уплату за восточные товары, а взамен европейцам нечего было предложить. Истощение испанских и немецких серебряных рудников побуждало искать новые источники средств.

Великие географические открытия и кругосветные путешествия не только предоставили европейцам, казалось, неисчерпаемые ресурсы, но также существенно расширили кругозор и

тем самым сознание западного человека. Так постепенно, десятилетие за десятилетием в глубинных структурах европейского общества, сохранявшего как будто все черты Средневековья, возникали новые условия хозяйствования, происходили социальные перемены, влиявшие на сознание людей, как минимум — на мировосприятие и мировоззрение наиболее активных слоев населения, на их отношение к жизни и понимание своего места в жизни. Они были заметны внимательному наблюдателю, и находили отражение в произведениях литературы и живописи. Перемены совершались в глубинных структурах европейского общества. Инерция общественного сознания была сильна, привычка к старому и уважение к Традиции еще господствовали в обществе, но с застоєм в общественной мысли и культуре было покончено.

Возникают новые понятия и новый язык для выражения важнейших понятий. Новый язык — это не только один из существующих в европейской стране диалектов, обретающий статус национального, господствующего и нормативного. Новый язык отражал перемены в мировосприятии людей, включал книжную и простонародную лексику, способствовал формированию их новой общности.

К этому времени, в эпоху Предвозрождения и Возрождения, вполне сформировался итальянский язык, на котором была написана «Божественная комедия» Данте Алигьери, поэта и мыслителя. Гуманистическое мировоззрение автора основывалось на христианском учении, в своих политических трактатах Данте не только отстаивал автономию светской власти, но и берег чистоту духовного авторитета Церкви; для него мир и справедливость не только социальные, но и теологические понятия. В «Комедии» Данте символически показывал и путь исторического человечества, и путь внутреннего самоуглубления и спасения человека; в ходе странствий автор-герой «заново переживает свою жизнь, очищаясь и преображаясь» [ЛЭ, т. 14, с. 180].

Национальная литература на национальных языках появляется не только в Италии (Пико

дела Мирандола, Л. Ариосто, Дж. Боккаччо), но и во Франции (Ф. Рабле), Испании (М. Сервантес, Лопе де Вега), Англии (Дж. Чосер, У. Шекспир), Германии (У. Гуттен). В поэзии и прозе усилилось личностное начало, более независимое отношении к религиозным догматам. Герои произведений названных авторов показаны активными и самостоятельными личностями, самостоятельно определяющими и цели в жизни, и пути их достижения. Сюжетные повороты там подчас весьма вольны, на грани с приличиями, тональность книг бодра и оптимистична, хотя авторы не скрывают существования произвола и насилия. Более того, во многих произведениях отражена смена идейно-социальной иерархии средневекового общества, возрастание роли «третьего сословия»⁴.

Позднее К. Маркс заметил, что в ту переходную эпоху неизбежно должны были взять верх «движение... над неподвижностью», «стяжательство над жадной наслаждений», **«изворотливый эгоизм просвещения над осмотрительным, простоватым, ленивым и фантастическим эгоизмом суеверия»** [Маркс, 1956, с. 579].

Знаковым стало творчество Эразма Роттердамского (1469–1536), выражавшего идеи христианского гуманизма. Его отечеством стала вся Европа: он жил во Франции, Англии, Германии, Италии, Швейцарии и пользовался всеевропейским признанием. Эразм осуществил в 1517 г. первое печатное издание греческого оригинала Нового Завета со своим обширным комментарием, однако он же в 1509 г. написал свою знаменитую «Похвалу глупости», отчасти развивая традиции стихотворной сатиры С. Бранта (1457–1511) «Корабль дураков», разошедшуюся по всей Европе в латинском переводе. Эразм резко осуждает господствующие сословия, особенно католическое духовенство за обмирщение Церкви, монашеский паразитизм и бездуховную

обрядность. «Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. **Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?**», — иронизирует Эразм в главе XXVII. Он не призывает к насильственному ниспровержению существующих порядков, а уповает на облагораживающую силу знания и Священного Писания, надеется на образование молодежи. В «Разговорах запросто» (1524) он противопоставляет благородную жажду знания безалаберному времяпрепровождению, разумный брак — аскетизму и распутству. Отринув наследие Отцов Церкви, он создал свое богословие, которое назвал «философией Христа». Тем не менее католическая Сорбонна осудила книги Эразма как еретические, и в 1559 г. они были включены в индекс запрещенных книг [Пуришева, 1971, с. 17]. Эразм оказался предтечей Реформации, но порвал отношения с Лютером из-за неприятия лютеровского фанатизма и жесткого догматизма.

Соразмерной личности Эразма была личность Никколо Макиавелли (1469–1527), итальянского политического мыслителя, чье интеллектуальное влияние распространилось на европейскую политическую жизнь. Макиавелли следовал учениям Аристотеля и Цицерона, но его взгляды соответствовали философии эпохи Возрождения, проникнутой натуралистическими идеями. Он провозгласил лозунг поиска «настоящей, а не воображаемой правды вещей» и предложил целостную концепцию государственности со светских, а не теологических позиций, исходя из исторического и личного опыта и рационального подхода. Предлагаемая им модель общественного устройства строилась вокруг сильного государства во главе с сильным правителем, использующим любые средства для упрочения своей власти. «Жестокость хорошо применять в тех случаях — если можно

4 И. Кашкин, сравнивая сюжеты средневековой европейской литературы, пишет, что в если «в XIII в. популярен был рассказ о том, как король на турнире при многотысячной толпе дергает своего банкира еврея за бороду и выхватывает у него из-за пояса кошель с золотом, то в XIV в. в ходу был рассказ совсем другого рода — о лондонском купце, который, пригласив к себе в гости короля, припас ему напоследок поистине королевское угощение: сжег на жаровне все скопившиеся в его руках королевские векселя» [Кашкин, 1973, с. 10].

зло назвать хорошим», — писал Макиавелли в «Государе», — «когда оно проявляется сразу и для достижения безопасности, ею не злоупотребляют и по возможности обращают на благо подданных...»; «поэтому государю, желающему держать подданных в повиновении, не следует обращать внимание на обвинения в жестокости». Попросту говоря, «государь должен вселять страх...», «идти вопреки милосердию, доброте и благочестию», поскольку «поступки всех людей, особенно государей... оценивают в зависимости от результата...» [Макиавелли, 1999, с. 44, 77, 78, 83].

Отношение Макиавелли к религии, сводимой им к обрядам, прагматично до цинизма. «Государь... должны в первую очередь сохранить в неприкосновенности религиозные обряды и беспрестанно поддерживать преклонение перед ними, поскольку не существует более ясного признака скорого падения страны, чем открытое пренебрежение к почитанию Бога» [Макиавелли, 1999, с. 183]. В то же время, сравнивая язычество и христианство, он отдавал предпочтение первому, поскольку «оно видело высшее благо в величии духа, в крепости тела и во всем, что придавало человеку силу», тогда как христианский образ действия «ослабил мир и отдал его недобрым на растерзание». Реалистический подход Макиавелли к политике на основании ее критериев (успеха и неудачи), а не соответствия религиозным или моральным ценностям, был назван идеологами Контрреформации «беспринципным и атеистическим», в 1559 г. его сочинения были внесены в Индекс запрещенных книг [КЭ, т. 3, 2007, стлб. 37]. Макиавелли заложил основы политической науки Нового времени, а одиозное понятие *макиавеллизм* стало частью проекта Просвещения. Показательно, что Ж. Ж. Руссо называл трактат «Государь» настольной книгой республиканцев, разделяя также его критическое отношение к христианской религии [Православная энциклопедия, т. 42, с. 668].

Нельзя не упомянуть и о великом деле немецкого изобретателя Иоганна Гуттенберга (1394–1468), создавшего европейский способ книгопечатания, разработавшего весь типографский процесс. Книгопечатание придало сильный импульс духовному и культурному обновлению европейского общества. Книгопечатные станки предлагали на рынок множество изданий, рассчитанных на широкие круги читателей, это не только богословские трактаты и научные труды, но и романы, книги путешествий, народные книги легенд и сказок, стихи, в том числе авторские и народные баллады. Книгопечатание создало материальные возможности для распространения идеологии Возрождения и особенно Реформации.

Стали появляться **новые переводы Священного Писания** на европейские языки, разрушая монополию латинского текста, составленного в IV в. блаженным Иеронимом и признанного единственно каноническим⁵. Типографский станок резко расширил число читателей (и толкователей) Библии.

Названные перемены — деятельность отдельных личностей, появление политических и литературных сочинений, возрастание влияния торговых и финансовых центров в городах Западной Европы, рост грамотности и пр. — на первый взгляд не имели революционного значения, но их кумулятивный эффект оказался велик. Менялось мировосприятие и отношение к жизни сначала у малой, активной части населения, а потом у все более широких слоев людей. Католическая Церковь в то время оставалась общим центром и оплотом всего феодального строя, и поэтому расшатывание церковных структур, сомнение в нормах церковной жизни и противопоставление христианской системе ценностей иных целей и ценностей — еще изнутри самой Церкви — ослабляли не только Католическую Церковь, но и весь феодальный строй.

5 В Англии в 1382 г. появляется первый английский перевод Библии, составленный «бедным священником» Джоном Уиклифом с группой друзей, в 1611 г. вышла т. н. Библия короля Иакова на английском языке, обретшая статус канонической.

Творчество великих художников Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Веронезе, Тинторетто еще было связано с христианской тематикой и церковными заказами, но уже выказало разрыв с идейными и эстетическими канонами Средневековья, прежде всего — с наследием Византии. Икона давала представление о жизни, в которой одновременно присутствуют прошлое, настоящее и вечность. Но икону заменяла картина — показ конкретного прошлого, выражение трагической любви к Богу Девы Марии — прославление материнского счастья просто Марии, одухотворенных ангелов — веселые пухлые ребятишки с крылышками. Помимо икон и церковных росписей получили развитие светские жанры и станковая живопись. Новое искусство свидетельствовало также о дисгармонии мира и человека, было наполнено драматическими конфликтами и психологическим показом внутренних переживаний и трагического одиночества человека. Те же тенденции крепили в живописи Франции, Нидерландов и Германии, примеры чему мы видим в творчестве И. Босха, А. Дюрера, П. Брейгеля Старшего, Л. Краха Старшего и Эль Греко.

Тогда же возникает менее заметное явление — **коммерциализация искусства**. Расширяется слой покупателей произведений искусства, художники все чаще работают на заказ, причем не Папы Римского или короля Франции, не городского совета или церковной общины, а богатого торговца или аристократа. Быстрое развитие получает станковая живопись и копирование шедевров, что дало толчок репродукционной гравюре. Частью процесса коммерциализации становится широкое распространение оформительского искусства: публичных торжеств государей по случаю военных побед или заключению брака короля, венецианских карнавалов, дворцовых празднеств и увеселений римских пап и европейской аристократии [Степанов, 2005, с. 16, 42–64]. Искусство есть отражение жизни, в нем люди хотят видеть то, что им понятно, важно и интересно. По содержанию памятников изобразительного искусства эпохи, изменению сю-

жетов, жанров и стилей мы можем представить перемены, происходившие в общественной жизни европейских стран в Средние века.

Так, с уравнением: *горнего* и *дольнего*, *духовного* и *мирского*, возрастала сфера искусства, ставшая средством для развлечения, для игры и удовольствия, что с небывалой ранее мощью реализовалось много позднее, на рубеже XX–XXI вв. (Олимпийские игры, показы мод, компьютерные игры, инсталляции и перформансы). И тогда, по точному замечанию М. К. Кантора, «вне нравственного служения искусство делается декоративным», и теряет свое высшее назначение [Кантор, 2016, с. 8].

В целом, отталкивание от Средневековья и распространение секуляризованного взгляда на мир привело к появлению нового индивидуального художественного сознания и автономизации искусства, его сосредоточенности на личности художника, а не окружающего мира, к опоре на личные взгляды художника, а не на общепризнанные ценности общества. По наблюдению Кантора, дерзкий, «прямой взгляд Адама с фрески Микеланджело, направленный в глаза Саваофу, надо было выработать; в иконе такой взгляд — от равного к равному — невозможен» [Кантор, 2016, с. 16].

Новый период развития выделяется и в музыке Европы, где возникает расцвет полифонической (многоголосной) композиции, оформляются жанры и формы музыкальных произведений (театральная и инструментальная музыка), появляется нотация. Стоит отметить, что на Тридентском соборе высказывалось мнение о вредности полифонии, которую следует запретить, так как в переплетении голосов не слышен литургический текст, но благодаря мессе Дж. Палестрино утвердился новый образец церковной музыки. В начале 1320-х гг. епископ, композитор и поэт Филипп де Витри усовершенствовал в своем трактате нотацию, а название трактата **Ars nova** (Новое искусство) превратилось в обозначение нового характера европейского искусства. Музыка эпохи Возрождения сохраняла возвышенный и светлый

тон, была в полном смысле слова гармонична [КЭ, т. 1, 2002, стлб. 1062–1065].

Хотя Возрождение возникло в лоне христианской культуры, именно тогда, в эпоху Ренессанса на Западе начался разрыв с христианской традицией, в ходе которого средневековые мыслители противопоставляли гуманистическое мировоззрение (*studia humaniora*), в центре которого стоял человек (*homo*) схоластическому изучению «божественного» (*studia divina*) с абсолютным авторитетом Бога (*Deus*). Авторитеты, идеалы и ценности тысячелетней давности еще не отвергались, но подвергались сомнению и критическому пересмотру, подчас с позиций античного язычества. Было положено начало светской науке, литературе и искусству, что поколение за поколением вело к перемене мировоззрения больших масс людей. Энгельс имел все основания сказать о Возрождении: эта эпоха «нуждалась в титанах» и «породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»; «это была величайшая из революций, какие до тех переживала земля» [Энгельс, Маркс, 1961, с. 346, 508].

Возникает *гуманизм* (лат. *Humanus* — человеческий, человеческий) — исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей; считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости и человечности — желаемой нормой отношений между людьми. Внутренняя противоречивость такой концепции гуманизма состоит в апологетике свободной человеческой личности, опирающейся на христианский взгляд на природное достоинство человека, но отталкивающей в целом христианскую систему ценностей, предлагающей ценности новой «общечеловеческой морали», но без Бога, давшего принципы нравственности. Начиналось формирование безрелигиозного человека.

Гуманизм обязан своим происхождением христианской культуре. Но он уже разделяет куль-

туру на религиозную и внерелигиозную, способствуя созданию *tertium regnum* (лат. третье царство) — *царства культуры*, автономного по отношению к христианской системе ценностей и притязующего на замещение учительной роли церкви.

Славянский, православный пласт христианской культуры на востоке Европы оказался в то время не затронутым этим процессом. Думается, что главная причина тому — иной, более аскетичный характер сложившейся славянской культуры, иное, более буквальное следование христианской системе ценностей творцов славянской культуры. Свою роль сыграли и мощные внешние давления на славянские народы. В восточной части Европы тот западноевропейский гуманизм, которым и знаменательна эпоха Возрождения, не пустил ростков на русской земле в XIV–XVI вв., хотя в Чехии и Польше было ощутимо влияние Ренессанса в науке, архитектуре, музыке и живописи.

И. Лортц констатировал, что в XIV в. «горячее стремление к церковному и светскому обновлению охватило большую часть народов Запады.. Множество самых различных пересекающихся, борющихся и распадающихся, ищущих новых движений во всех областях политики, науки, экономики, искусства наполнили Западную Европу или значительные слои ее обитателей чудом весны, которая изменит мир с помощью разнообразных сил, поднимет его к новым высотам и проведет через опасные глубины. Из того, что мы в этих еще неясных началах можем точно распознать, самыми действенными являются национальное и лаикальное начала. Почва для грядущей новой культуры, а тем самым для Нового времени кажется подготовленной» [Лортц, 2000, т. 1, с. 489]. Церковный историк отметил начала, потенциально опасные для будущего Католической Церкви, — пробуждение и укрепление национальной идентичности и светского (мирского) миропонимания и поведения, а в сочетании с внутренним кризисом это вело к явлению распада внутри церкви, к тому, что «надвигающееся будущее» угрожает самой церкви.

Взамен людям предлагали более рациональный взгляд на то, как Бог действует внутри мира. Перенятые от арабов «математическое мышление» и арабские цифры создали возможности для развития точных наук. **Потребности хозяйственной жизни и торгового обмена привели к «изобретению изобретения»**, возникло новое отношение к технике: «впервые в истории изобретение перестало являться отдельным событием и превратилось в “целостный проект”», а «подъем сельского хозяйства» сделал возможным рост населения городов и деревень, что сделало возможным развитие местных рынков [Фонтана, 2022, с. 67, 74]. Европейское пространство наполняется новыми смыслами и структурами, составляющими еще феодальное общество.

Эпоха Возрождения «открыла дверь» в неизведанное пространство нового, современного мира, и поэтому мы вправе рассматривать ее как предварительный, но органичный этап проекта Просвещения. Макиавелли в Италии и Ж. Боден во Франции порвали с теологической трактовкой происхождения власти, Т. Мор в Англии и Т. Кампанелла в Италии предложили принципиально новое видение общества в первых утопиях. Эразм Роттердамский положил начало обмирщению христианства, оставляя за ним моральные ценности, но отбрасывая догматическое учение; гуманисты выдвигали идею естественного происхождения религии или деизма. Все это отодвигало церковь с ведущих позиций в жизни общества, но еще не покушалось на значимость христианской веры. Немецкий кардинал Николай Кузанский в середине XV в. предлагал новое обоснование и новую форму духовного, церковного и политического единства Запада, в котором допустимо заблуждение, так как «единство в Боге снимает все противоположности». Позднее кардинала, ориентировавшегося в своих трудах на греческую философию и особенно платонизм, назвали «привратником Нового времени». А. Ф. Лосев указывал на свойственные Кузанскому веротерпимость, проповедь свободы мышления и попытки противо-

действовать крайностям папистского абсолютизма, назвав его «первым философом Нового времени» [БСЭ, т. 18, с. 12].

Подлинным революционером в западноевропейской общественной мысли стал английский мыслитель и политический деятель **Фрэнсис Бэкон** (1561–1626), которого справедливо считают основателем материализма и экспериментальной науки, отделившим науку от теологии. По убеждению Бэкона, опытная наука и рациональный метод, а также скептическое отношение ко всему предшествующему знанию, позволяют увеличить власть человека над природой. В утопии «Новая Атлантида» (1617) Бэкон изобразил процветающее идеальное общество, в котором жизнь организована на рациональных началах, но с сохранением господствующих и подчиненных классов. В этическом учении он предлагал естественное происхождение морали, утверждал примат общего блага перед индивидуальным, а личный успех признавал лишь при условии достижения общего блага, ставя благо государства выше блага отдельной личности. В то же время он проповедовал идею личной свободы (свободы предпринимательства и торговли), а деловые способности ценились им выше пассивной созерцательности. Превознесение общественной пользы как высшего блага объективно отвечало потребностям растущей буржуазии, а предлагаемые этические идеалы заложили основы системы ценностей и идеологии нового класса.

Утопия Бэкона «Новая Атлантида» была лишь одной из многих попыток предложить путь в светлое будущее, в земное царство мира и справедливости, следуя давней традиции, идущей от диалогов Платона. В этом ряду стоят «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Государства Луны» Сирано де Бержерака, «История Севарамбов» Д. Вераса. Мечты гуманистов Возрождения положили начало такому направлению в европейской общественной мысли XVI–XVII вв., которое стремилось отсечь в возникающем год за годом новым строем пугающие, негативные черты, сохранив положительные начала свободы и самостояния человека.

Однако ценности нового времени уже вошли в жизнь, среди них — частная собственность и конкуренция. В диалогах «Утопии» Т. Мор рассуждает, что «пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние... — А мне кажется, наоборот... никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться?» [Утопический роман, 1971, с. 74–75].

Идеи этого переходного времени были разными, их по-разному выражали мыслители в разных частях Западной Европы. Но равнодействующая идей оказалась прямым путем — через Реформацию — к проекту Просвещения.

До настоящего времени сохранилось пренебрежительное отношение к идеям, витающим в обществе, к разного рода мыслителям и общественным деятелям: «пусть их болтают». Однако не все высказанные слова развеиваются в воздухе, иные — неожиданно для многих — обретают плоть и кровь. Уже в XX в. Дж. Кейнс в книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) [Кейнс, 2021] отмечал, что «идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого... Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени... Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» [Кейнс, 2021, с. 444–445]. Кейнс имел в виду преимущественно экономистов А. Смита, Д. Рикардо, Т. Р. Мальтуса, однако отцы Просвещения совместно создали

такое целостное мировосприятие, систему идей и идеалов, социально-политических конструкций, что избежать их влияния было невозможно.

Экономисты создали своеобразные интеллектуальные *очаги развития по-новому*, на принципах свободомыслия, свободной деятельности человека, рационального устройства общественной жизни и отношений общество — государство. И хотя такие очаги в Италии, Голландии, Англии и Франции казались почти незаметными в массиве обыденного потока жизни, благодаря своему потенциалу они постепенно поворачивали поток общественной жизни в новое русло. По существу, об этом — только об экономических очагах развития по-новому — пишет Ф. Бродель в заключительном томе «*Время мира*», отмечая, что оно «активизировало прежде всего такие оживленные линии», — то есть центры «торговых потоков и ритмы Вселенной». В то же время, констатирует он, «повсюду имелись зоны, где мировая история не находила отклика, зоны молчания, спокойного неведения» [Бродель, 1992, с. 8].

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В качестве сущностных черт Нового времени на Западе, отличающего его от предыдущей эпохи, Й. Лортц называл «центробежные тенденции: субъективизм и индивидуализм, национализм, лаицизм и секуляризация»; они «заполнили собой всю жизнь Нового времени», что привело Европу к «потере сердцевины» [Лортц, 2000, т. 2, с. 5, 9], под которой автор имел в виду христианство. В конечном счете, эпоха Возрождения, несмотря на попытки церковных деятелей «освящения мирского», привела к «обмирщению церковного» начала в жизни. Культура, выраженная через личность, противопоставляет себя церкви, воплощающей в себе Бога.

В качестве положительной черты возникающего в Западной Европе нового культурно-цивилизационного пространства Ж. Фонтана называет средневековый «синтез», не ограни-

чивающийся взаимодействием только трех культур — римской, германской и христианской, и включающий в себя заимствования, «дошедшие из стран Азии через посредничество исламского мира» [Фонтана, 2022, с. 65]. По его мнению, это стало возможным благодаря неудачным попыткам Карла Великого восстановить централизованную империю с жесткими нормами для поведения и выражения мыслей. Вместо этого возникло «пространство, где происходило взаимодействие между людьми, а также обмен товарами и идеями. В нем вызрела культура, укорененная в местном субстрате, но способная воспринимать внешние заимствования и делать их своей частью, — не греческая и не римская, а именно европейская». Поэтому Европа, «открытая всем культурным влияниям, была идеальной почвой для произрастания нового» [Фонтана, 2022, с. 66].

Как бы то ни было, по словам Н. И. Кареева, *«новая история открывается двумя движениями — светским и религиозным, Возрождением и Реформацией, и из них второе пересиливает первое»*, поскольку оно выражалось *«не в стремлении освободить мысль и жизнь от церковной опеки, а в стремлении реформировать саму религию...»* (выделено нами. — А. Я.) [Кареев, 2015, с. 302]. Тем не менее оба движения оказались оппозиционными существующему старому порядку. Эта особенность западноевропейской модели Просвещения оказалась уникальной и не повторилась в других частях мира, где реализовывался проект Просвещения.

Заслуживает внимания и другое наблюдение Кареева о том, что «ни в Италии, ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии не уживаются между собою оба движения» (выделено нами. — А. Я.) и за «эпохой светского характера наступает время сильного религиозного возбуждения», которое сменяется иным: «Ко второй по-

ловине XVII в. все, что непосредственно было связано с Реформацией, начинает ослабевать, светское культурное движение мало-помалу получает перевес и достигает сильного развития в Просвещении XVIII в.», — отмечает Кареев [Кареев, 2015, с. 304]. Спустя полвека К. Доусон сделал свой вывод: «XVI столетие явилось свидетелем первой великой европейской революции, восстания, поднятого итальянским Ренессансом во имя чистоты культуры и немецкой Реформации — во имя чистоты Евангелия» [Доусон, 2002, с. 50]. На деле в оболочке «античной красоты» и «Евангельской чистоты» возникли совершенно новые культура и нормы религиозной жизни. Доусон указывает также на параллельность этих движений, но и на их чуждость «друг другу по своему духу», вследствие чего они «часто действовали как враги, а не как союзники, и их воздействие на европейскую культуру было совершенно различным» [Доусон, 2002, с. 50–51].

Отмеченная диалектическая взаимосвязь революционных по последствиям явлений Возрождения и Реформации отсутствовала вне западноевропейского «центра Просвещения». А внутри этого «центра» за революцией против «старого порядка», за «интеллектуалистической рационализацией, осуществляющейся посредством науки и научной техники», неизбежно и необратимо следовал процесс разделения религиозной и светской жизни, религиозной (христианской) системы ценностей и светской (мирской) системы ценностей. Тогда произошло то, что М. Вебер в 1918 г. назвал «расколдовыванием мира» [Вебер, 2017 с. 713, 714], теоцентрическое понимание мира сменилось на антропоцентрическое⁶.

На подготовленной Возрождением почве переосмысления природы человека на секулярной основе философы сводили христиан-

6 «Возрастающая интеллектуализация и рационализация, — как указывал М. Вебер, — означает, что люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следовательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета. Последнее в свою очередь означает, что мир расколдован... Теперь все делается с помощью технических средств и расчета» [Вебер, 2017, с. 713–714].

скую веру к естественной религии. Зачатки представлений о естественной религии как о вложенной в природу человека способности к истинному богопочитанию возникли в ранний период существования христианства (об этом свидетельствует текст послания апостола Павла к Римлянам⁷, а позднее — рассуждения Тертуллиана о том, что всякая человеческая душа есть «христианка по природе»). В Средневековье, в XIII в. осмысление понятия как «естественного разума» предложил Фома Аквинский. Позднее, в XIV в. возникли еретические и антикатолические движения Яна Гуса и Джона Уиклифа, предпринявших попытки отделения от католической церкви.

И все же важнейшим переломным рубежом стала Реформация, положившая начало возникновению новых форм христианской жизни помимо древних православных и католической церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ, 2015. 692 с. [Acemoglu D., Robinson J. A. *Why Some Countries Are Rich and Others Are Poor. The Origin of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST, 2015. 692 p. (in Russian)].

Библия. Синодальный перевод [Bible. Synodal translation (in Russian)].

Большаков О. Г. *История Халифата*. В 4 т. М.: Наука, 1989–1998 [Bolshakov O. G. *History of the Caliphate*. In 4 vols. Moscow: Nauka, 1989–1998 (in Russian)].

БСЭ (Большая советская энциклопедия). Т. 18. М.: Советская Энциклопедия, 1974 [GSE, *Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 18. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1974 (in Russian)].

Бродель Ф. *Динамика капитализма*. М.: Альма Матер, 2022. 139 с. [Braudel F. *The Dynamics*

of Capitalism. Moscow: Alma-Mater, 2022. 139 p. (in Russian)].

Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 3. *Время мира*. М.: Прогресс, 1992. 680 с. [Braudel F. *Material Civilization, Economy, and Capitalism of the 15–18th Centuries*. Т. 3. Time of the world. Moscow: Progress, 1992. 680 p. (in Russian)].

Буркхардт Я. *Культура Возрождения в Италии: опыт исследования*. М.: Юрайт, 2022 [Burckhardt. *The Renaissance Culture in Italy: A Research*. Moscow: Youwrite, 2022. 286 p.].

Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга, 2001. 414 с. [Wallerstein I. *Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World*. St. Petersburg: Universitetskaja kniga, 2001. 414 p. (in Russian)].

Валлерстайн И. Европейский универсализм. Риторика власти. *Прогнозис. Журнал о будущем*. 2008. № 2(14). С. 3–56 [Wallerstein I. European Universalism: The Rhetoric of Power. *Prognosis. Zhurnal o budushhem*. 2008. No. 2(14). Pp. 3–56 (in Russian)].

Вебер М. *Хозяйственная этика мировых религий. Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм*. СПб.: Владимир Даль, 2017. 446 с. [Weber M. *Economic Ethic of the World Religions: Experiences in Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2017. 446 p. (in Russian)].

Всемирная история. Мир в раннее Новое время. Т. 3 М.: Наука, 2013. 853 с. [World History. *The World in Early Modern Times*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 2013. 853 p. (in Russian)].

Доусон К. *Боги революции*. СПб.: Алетея, 2002. 330 с. [Dawson K. *Gods of the Revolution*. St. Petersburg: Aleteiya, 2002. 330 p. (in Russian)].

Зиновьев А. А. *На пути к сверхобществу*. М.: Центрполиграф, 2000. 637 с. [Zinov'ev A. A. *On the Way to Super-society*. Moscow: Centrpoligraf, 2000. 637 p. (in Russian)].

7 «...ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» [Библия, Рим. 2:14–15].

Кантор М. К. *Чертополох*. М.: АСТ, 2016. 480 с. [Kantor M. K. *Thistle*. Moscow: AST, 2016. 480 p. (in Russian)].

Кареев Н. И. *История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений*. М.: Академический проект, 2015. 603 с. [Kareev N. I. *The History of Western Europe in Modern Times. Development of Cultural and Social Relations*. Moscow: Akademicheskij projekt, 2015. 603 p. (in Russian)].

КЭ (*Католическая Энциклопедия*) в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев (ИФ), 2002; Т. 3. М.: ИФ, 2007 [Catholic Encyclopedia: in 5 Vols. Vol. 1. Moscow: Franciscan Publ. (FP), 2005; Vol. 3. Moscow: FP, 2007 (in Russian)].

Кашкин И. Джеффри Чосер. Дж. Чосер. *Кентерберийские рассказы*. М.: Художественная литература, 1973. 830 с. [Kashkin I. Geoffrey Chaucer. G. Chaucer. *The Canterbury Tales*. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura, 1973. 830 p. (in Russian)].

Кейнс Дж. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: АСТ, 2021. 544 с. [Keynes J. *General Theory of Employment, Interest, and Money*. Moscow: AST, 2021. 544 p. (in Russian)].

Кеннеди П. *Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.* Екатеринбург: ГОНЗО, 2018. 848 с. [Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. Ekaterinburg: Gonzo, 2018. 848 p. (in Russian)].

Лортц Й. *История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей*. В 2 т. М.: Христианская Россия, 2000. 579 с. [Lortz J. *History of the Church in 2 Vols*. Moscow: Hristianskaya Rossiya, 2000. 579 p. (in Russian)].

Лосев А. Ф. *Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения*. М.: Мысль, 1998. 750 с. [Losev A. F. *Aesthetics of the Renaissance. The Historical Meaning of the Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: Mysl, 1998. 750 p. (in Russian)].

Макиавелли Н. *Государь*. Минск: Современный литератор, 1999. 704 с. [Machiavelli N. *The*

Prince. Minsk: Sovremenniy literator, 1999. 704 p. (in Russian)].

Маркс К. *Из ранних произведений*. М.: Госполитиздат, 1956. 689 с. [Marx K. *From Early Writings*. Moscow: Gospolitizdat, 1956. 689 p. (in Russian)].

Милбэнк Дж. *Теология и социальная теория. По ту сторону секулярного разума*. М.: Теоэстетика, 2022. 736 с. [Milbank J. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Moscow: Teoestetika, 2022. 736 p. (in Russian)].

Мокир Дж. *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. М.: Институт Гайдара, 2014. 502 с. [Mokyr J. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. Moscow: Institut Gajdara, 2014. 502 p. (in Russian)].

Мокир Дж. *Просвещенная экономика. Великобритания и Промышленная революция 1700–1850 гг.* М.: Институт Гайдара, 2017. 792 с. [Mokyr J. *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain in 1700–1850*. Moscow: Gaydar Institute, 2017. 792 p. (in Russian)].

Моррис И. *Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем*. М.: Карьера Пресс, 2016. 888 с. [Morris I. *Why the West Rules — For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. Moscow: Kariera Press, 2016. 888 p. (in Russian)].

Общая история Церкви. В 2 т., 4 кн. Т. 1. М.: Наука, 2017. 510 с. [A General Church History. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2017. 510 p. (in Russian)].

Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетея, 2002. 320 с. [Polanyi K. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Aleteiya, 2002. 320 p. (in Russian)].

ПЭ (*Православная Энциклопедия*). В 68 т. Т. 14, 42. М.: Православная Энциклопедия, 2009. 749 с. [Orthodox Encyclopedia. In 68 Vols. Vol. 14, 42. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2009. 749 p. (in Russian)].

Пуришева Б. *Немецкий и нидерландский гуманизм*. С. Брант. *Корабль дураков*. Э. Роттердамский. *Похвала глупости*. У. фон Гуттен. *Письма темных людей*. Диалоги. М.: Художественная литература, 1971. 768 с. [Purisheva B. *German and Dutch Humanism*. Brant S. *Ship of Fools*. Erasmus of Rotterdam. *Praise of Stupidity*. Gutten U. *Letters from Dim People*. *Dialogues*. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1971. 768 p. (in Russian)].

Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с. [Said E. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. St. Petersburg: Russkiy Mir, 2006. 636 p. (in Russian)].

Соколов В. В. *Средневековая философия*. М.: Высшая школа, 1979. 350 с. [Sokolov V. V. *Medieval Philosophy*. Moscow: Higher School, 1979. 350 p. (in Russian)].

Сол Дж. *Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе*. М.: АСТ, 2006. 895 с. [Saul J. *Voltaire's Bastards: The Dictatorship of Reason in the West*. Moscow: AST, 2006. 895 p. (in Russian)].

Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат, 1992. 542 с. [Sorokin P. A. *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 1992. 542 p. (in Russian)].

Степанов А. С. *Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV–XV вв.* СПб.: Азбука-Классика, 2005. 499 с. [Stepanov A. S. *Renaissance Art. Italy. 14th–15th Centuries*. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika, 2005. 499 p. (in Russian)].

Утопический роман XVI–XVII веков. М., Художественная литература, 1971. 494 с. [Uto-

pian Novel of 16th–17th Centuries. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1971. 494 p. (in Russian)].

Фонтана Ж. *Европа перед зеркалом. Критика исторических преставлений*. СПб.: Alexandria, 2022. 256 с. [Fontana J. *Europe in Front of a Mirror. Criticism of Historical Ideas*. Saint Petersburg: Alexandria, 2022. 256 p. (in Russian)].

Хедрик Д. *Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней*. М.: Дело, 2018. 557 с. [Headrick D. *Power over Peoples: Technology, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present*. Moscow: Delo, 2018. 557 p. (in Russian)].

Шоню П. *Цивилизация Просвещения*. М.–Екатеринбург: АСТ, 2008. 684 с. [Chaunu P. *La Civilisation de L'Europe des Lumières*. Moscow–Ekaterinburg: AST, 2008. 684 p. (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: ГРВЛ, 1984. 581 с. [Evolution of the Eastern Societies: A Synthesis of Traditional and Modern. Moscow: GRVL, 1984. 581 p. (in Russian)].

Энгельс Ф., Маркс К. *Сочинения*. Т. 20. 2 изд. М.: Госполитиздат, 1961. 858 с. [Engels F., Marx K. *The Oeuvres*. Vol. 20. 2nd edition. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 858 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. Некоторые аспекты модернизации на Востоке в XX в. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. С. 80–90 [Yakovlev A. I. Modernization in the East in the 20th Century: Problems and Solutions. *Oriental Courier*. 2020. Pp. 80–90 (in Russian)].

